

Сегодня — 100 лет со дня рождения А. А. Блока

„РОССИИ ПОСВЯЩАЮ ЖИЗНЬ“

«Творчество Александра Блока —
целая поэтическая эпоха...»

В. В. МАЯКОВСКИЙ.

С ЕГОДНЯ у советского искусства праздник — день рождения одного из величайших художников слова XX века Александра Александровича Блока. И если бы мы сейчас действительно смогли по-блоковски «ухо приложить к земле», то непременно услышали бы эхо всенародно-го, всемирного праздника культуры.

Александру Блоку исполнилось сто лет! Есть нечто символическое в том, что он родился в ту осень, когда Россия отмечала пятистлетие Куликовской битвы. Символично и то, что Александр Блок, стремясь постоянно «с миром утвердить связь», обладал феноменальным чувством (аверней — сверхчувствительностью) Времени, Истории. Эта сверхчувствительность не позволила ему затеряться в саморазлагающемся тумане русского «декадаса», спасла его в мучительной борьбе со «страшным миром» доверливых и сытых и вывела на кремнистый путь реалистического искусства, овеянного нелегкой романтикой «эпохи трех революций».

Александр Блок и История — два полюса одного магнита. История далекого прошлого России манила и тревожила поэта. Он немало и мучительно размышлял о значении для Родины Куликовской битвы. «Куликовская битва, — писал он, — принадлежит... к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Блок создает жгучие стихи, прославляющие подвиг народа в кровопролитной борьбе с врагом. При этом образ поэта-патриота органически сливается с образами безвестных защитников Отечества:

«Мы, сам-друг, над степью
в полночь стаим:
Не вернуться, не взглянуть
назад.
За Неправдой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...
И, к земле склонившись
головой,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарою,
За святое дело мертвым лечь!
Я — не первый воин,
не последний,
Долго будет родина больна.
Помня ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!»
Причастный к болям и радостям далеких эпох, Блок с первых шагов своей сознательной творческой жизни пытался постигнуть глубинный смысл загадочного и вечно маящего явления — Россия. В декабре 1908 года он писал К. С. Станиславскому: «...стоит передо мной моя тема, тема о России... Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный».

Для Блока Россия — все: и жизнь, и слезы, и любовь, как сказал бы Пушкин. «Россия, нищая Россия. Мне избы серые твои. Твой мне песни ветровые — Как слезы первые любви!» — восклицал поэт в одном из самых откровенных и памя-

ных нам стихотворений — «Россия». Создавая классически емкую и типичную картину «нищей» Родины, столь же близкой и памятной ему, как мать, невеста или жена («О, Русь моя. Жена моя!..» — не раз восклицал он), Блок стремился «сквозь лоскуты лохмотий» увидеть душу России новой, «могучей и юной». Не забывая об исторической «крови и пыли», покрывших Отчизну, поэт «железным кольцом мысли» пытался схватить концепцию сегодняшнего и грядущего дня России, сулящего «неслыханные перемены», «невиданные мятежи». И если есть она, новая, живая Россия, — писал Блок в феврале 1909 года В. Розанову, — «то уж, конечно, только в сердце русской революции в самом широком смысле; включая сюда русскую литературу, науку и философию, молодого мужика... и юного революционера с сияющим лицом...».

В том же, 1909 году, Максим Горький создаст свою знаменитую повесть «Лето», в которой он зафиксировал появление на свет этого молодого, юного мужика-революционера и поздравит русский народ с «праздником» и «выздоровлением». Спустя три года Александр Блок в стихотворении «Новая Америка», обращаясь мысленно к Родине, напишет:

«На пустынном просторе,
на диком
Ты все та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне лицом,
И другая волнуется мечта...»

В этом произведении поэт выразит радость «великого праздника» обновления лика России, чей «голос каменных песен» уже ему не страшен.

Еще вставал в воображении Блока дивный образ России — незнакомки с ее «древними поверьями», «духами и туманами» и «траурными перьями» былых обид («Незнакомка»); России-женщины, «красивой и молодой», уснувшей мертвым сном у железной дороги несбывшегося счастья («Под насыпью, во рву некошеном»); России-матери, тужащей в избушке над сыном, и охраняющей его от хищных «коршунов» всякой «буржуазной сволочи» («Коршун»); еще «с головой от хмеля трудной» он терял счет ночам и дням, болев из-за народных страданий, — а чуткое сердце поэта уже ощущало нарастающий гул, эту всепоглощающую музыку, это «непокладливое, сдержанное, грозное, пресыщенное электричеством», время великой революции, революции-грозы, с которой, по его словам, уж «никакой громомолот не сладит!».

С нею, революцией, отныне и навсегда свяжет свою судьбу Александр Блок. Революция будет поддерживать в нем огонь оптимизма: «Россия суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому — великой, — писал он в статье «Интели-

генция и революция». — «Мы, русские, переживаем эпоху, имеющую не много равных себе по величию».

Не будем преувеличивать его чувство оптимизма, ибо порой в его поэтической песне звучали надрывные и трагические ноты:

«Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне все равно.
Вон счастье мое — на тройке
В сребристый дым унесено...»
Или:

«Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет...»

Однако кто ныне осудит поэта за них?! Не одному Блоку тяжело было противостоять разбушевавшейся стихии общественных страстей и классовых сражений. Да и сам он, как бы извиняясь за временные слабости, скромно и стыдливо говорил о себе:

«Простим угрюмство — разве
это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!...»

Почувствовать, понять и в конечном итоге принять революцию Блоку помогли его выдающиеся качества поэта-гражданина, роднящие его со всей русской классической литературой, равно как и личная (родословная) судьба и демократическая «закваска». Блок полагал: писатели, «у которых нет ореола общественного...», еще не имеют права считать себя потомками священной русской литературы. Он же имел на это полное право.

Поэт признавался однажды: «Я с молоком матери впитал в себя дух русского гуманизма». О своем поколении говорил: оно горело тем же «огнем бескорыстной любви и бескорыстного гнева», которым горели «в сорочковых годах — Герцен и Белинский, в пятидесятых — Чернышевский и Добролюбов».

В себе самом поэт чувствовал «шестидесятническую кровь», замешанную на гражданской, революционной поэзии Пушкина, Лермонтова, Некрасова, в особенности Некрасова, чья благородная тень всю жизнь следовала за Блоком. Образ тужащей матери-Родины в творчестве Блока едва ли не родная сестра некрасовской Отчизны-матери! Недаром Блок с гордостью констатировал в статье «О лирике», что на «просторных полях русские мужики, бороздя землю плугами, поют великую песню — «Коробейников» Некрасова». Это ли не завидная доля для всякого художника — чтоб его песни стали трепетом сердца его народа! И Блок, как и его великие учителя, достиг вершины счастья: в тяжелые дни борьбы за Советскую власть восставший народ подхватил и понес, как знамя, как песню, как лозунг пророческие стихи Блока из гениальной поэмы «Двенадцать»:

«Революционный держите марш!
Неугомонный не дремлет
враг! — призывал поэт.
«Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!» —
откликался народ на его зов.

Как гениальный художник, Александр Блок ясно представлял себе, что силу художнику придадут, во-пер-

вых, «сознание долга» и «великая ответственность» перед обществом, во-вторых, «связь с народом и обществом», в-третьих, злостность творчества. «Злоба — самый чистый источник вдохновения» — писал он.

Связь с народом определила главную цель поэзии Блока, выраженную им самим в знаменитой статье «Интеллигенция и революция»: «Передать все. Устроит так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью».

Вскоре после создания поэмы «Двенадцать» Блок окончательно убедился в том, что революция привела в движение человека и что «в вихре революций духовных, политических, социальных, имеющих космические соответствия, производится новый отбор, формируется новый человек». Именно к нему, этому новому человеку, и были обращены крылатые слова художника о необходимости «всем телом, всем сердцем, всем сознанием» слушать «музыку Революции»; «кровь и огонь могут заговорить» в любой момент.

Путь Блока-интеллигента к революции и был его настоящим подвигом. Сознание исторической разобщенности с народной массой (несмотря на то, что многие предки Блока, и в особенности его дед А. Н. Бекетов — отец русских ботаников, профессор и ректор Петербургского университета, отстававший права преподавателей и студентов, защищавший участников студенческих волнений, были людьми демократически настроенными, причастными к литературе и искусству, имевшими в своем роду декабристов) постоянно теребило его душу. Он проявлял большую настойчивость в поисках единственного крепкого моста, который бы связал два непримиримых стана: интеллигенцию и народ. Порой он пугался народной массы, этой Руси-тройки, которая, как ему казалось, несет ему гибель («Бросаясь к народу, мы бросаемся под ноги бешеной тройке, на верную гибель...» — утверждал он), но в конечном итоге, благо-

даря своей необычайной чуткости к переменам в мире, благодаря гуманизму и любви к России и революции, он пришел к единственно верному выводу:

«Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам...»
Блок знал, что «рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна». И в этом пафос его бессмертного творчества.

Блоку нельзя было не верить. Его любили друзья: Маяковский, Горький, Есенин. И он отвечал им любовью. Как и у каждого великого художника, у него обнаруживались и откровенные враги, типа Мережковского и Гиппиус, которые отвернулись от поэта и перестали после Октября подавать ему руку. Впрочем, он и не ожидал ничего другого от этих «прихлебателей буржуазной сволочи», видевших в народе Грядущего Хама, а не творца всех духовных ценностей. Вскоре они покинут Россию и будут плевать на нее из-под черной пологи итальянской фашистской нечисти. Блок же навечно «пропишется» в сердце народа и станет величайшим сыном России.

Творчество Александра Блока значительно двинуло вперед советское искусство, оно внесло свой огромный вклад в мировую культуру. Говоря о значении Блока для нашей поэзии, еще М. Горький замечал: «В наши дни нельзя писать стихов, не опираясь на... тот язык стиха, который выработан Брюсовым, Блоком и другими поэтами 90-х—900-х гг.». Поэзия Есенина и Пастернака, Прокофьева и Смелякова, Федорова и Табидзе, как и многих других мастеров слова, восходит к живому источнику блоковского многогранной лирики.

Когда-то враги революции не подавали ему руки. Времени поставило все на свои места. И мы, наследники поэтической культуры одного из зачинателей советского искусства, с гордостью восклицаем:

«Здравствуй, Александр Блок!».

А. ПЕХТЕРЕВ,
старший преподаватель
Калужского пединститута,
кандидат
филологических наук.